

Лев Жегин. «Семья». 1920 год

Помимо привычных благоумностей, на вернисаже прозвучало и нечто пикантное. Устроители выставки извинились перед потомками Федора Шехтеля за неточность, допущенную автором буклета. Имеется в виду следующая фраза: «Когда родители расстались, художник взял фамилию матери». В действительности развода не было, родители жили вместе до самой смерти архитектора. Но возникла ошибка, конечно же, не на пустом месте — фамилию матери Лев Шехтель взял не просто так. Однако извинения удовлетворенно приняли и тему замяли. А зря: именно она занимает центральное

место в представленных на выставке картинах (70 работ из собрания Германа Энтина, Валерия Дудакова и Марины Лазаревой-Станицевой).

Самый передовой архитектор своего времени, Федор Шехтель был человеком буржуазных нравов. В декаденты не рядился, сор из избы не выносил. Поэтому известно о той истории немного. Женщина действительно была, звали ее Еленой Вольфберг, и доводилась она родственницей известному политическому деятелю Федору Головину — близкому другу архитектора. Но больше почти ничего — простор будущим Морю,

Труайя и Перрюшо. Впрочем, важнее другое: именно с этой истории началось охлаждение между отцом и сыном. Потом Лева, в пику отцу, связался с футуристами, сменил фамилию, на смерть родителя отреагировал весьма цинично, а молодую искусствоведку, пришедшую поговорить о творчестве Шехтеля (это было уже в 60-е), едва не спустил с лестницы.

Однако его персональное отречение от отца слишком уж удачно примостилось к духу времени. Вряд ли ему нравилось возглавлять колонну сынов, за отцов не отвечающих. Он был для этого слишком утонченным человеком. Но и рафинированность эту отцу простить не мог. Генетически обреченный искусству, с детства погруженный в сладкий дым богемы, он не сумел совладать с этим богатством. Станным образом оно развратило его, поселив в нем тот аристократизм духа, который уже не способен воспроизводить. Так и остался на всю жизнь эстетом, скептиком, маргиналом.

Все время был околю. Сын Шехтеля — он ничего не сделал в архитектуре. Ближайший друг Чекрыгина — но славы «мистика русского авангарда» не стяжал. Приятель Маяковского — в литературе ничего, кроме дилетантских воспоминаний, не оставил. И даже князь, ко-

торой он предвосхитил русскую семиотику, — «Язык живописного произведения» (1970) — была, скорее, проницанием, нежели открытием. Она осталась в истории, но в жизни ее нет. Почти полвека Жегин халтурил: оформлял музеи и выставки, водил экскурсии, работал стекольщиком. Но была за этим внешним слоem мучительная тайная жизнь, в которой он непрестанно сводил счеты и каялся. Рисовал вроде бы одно и то же: семейные сцены. Но за этими домашними сюжетами вспыхивают темы иные. То видение распятия осенит мирную трапезу, то обычный разговор обернется Благовещением.

«Люди и предметы в простых обыденных ситуациях ведут себя как евангельские герои, — пишет о жегинских работах Дмитрий Сарабьянов. — Можно долго простаивать перед ними в поисках сюжетной идентификации, но в конце концов оказывается, что они — плод вымысла. Однако зрителя при этом не покидает чувство причастности к великим евангельским событиям». Искусство более позднее, — подхватывает Галина Ельшевская, — унаследует эту волюность обращения с каноническими сюжетами. Но в 20-е годы сопряженность библейской истории с частным человеческим бытием только начинает осознаваться, и в этом

смысле Жегин — открыватель. И конечно, этого проявления бытия в быту не состоялось бы, не будь за ним личной драмы. На всех его картинах есть мать, отец же — спящий, боком, мельком. И даже блудный сын возвращается — к матери.

Эпоха повальных отречений и перемены имен побудила его ринуться совсем в иную область: от футуристских «долоев» он ушел в тихую заводь «Маковца». Но и тут оставался сбоку; мучительно не мог выбрать между угольной чернотой Чекрыгина и акварельной нежностью Фонвизина. Тема своя у него была — но не только никому тогда не нужная, но более того — опасная. Поэтому единственное, что меняется в его работах, — уменьшается их формат. Он так и остался в стороне от всех течений и только скорбно писал в дневник: «О, если бы очиститься ото всякой скверны и быть как ребенок!» Круг замкнулся сурово: его собственный сын погиб. Представленный на выставке портрет сына неизбежно напоминает историю другого художника, но переплавить личную трагедию в искусство — тут все же надо быть Врубелем.

Николай малинин

Выставка открыта в галерее «Элизиум» (ЦДХ, антресоли).

Скажи «ОЖОГ»

Русский телеграф, 1998, — 10 июня, — с. 10

Выставка Льва Жегина в галерее «Элизиум»